
МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА*

С.А. Нижников

Кафедра истории философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется специфика «наук о духе», их отличие от естественнонаучного знания как по предмету (бытие — сущее), так и по методу (математика, «монолог» и, соответственно, герменевтика, «диалог»). Качественная особенность социально-гуманитарного знания усматривается также в утверждении ценностей («истины сердца») и в наличии и осознании феномена свободы, противостоящего детерминизму природы. Отмечается, что неосознание специфики «наук о культуре» приводит к их деградации и, как следствие, дегуманизации, чреватой катастрофическими последствиями для существования личности и развития общества.

Ключевые слова: мировоззрение, знание, ценности.

Мировоззрение представляет собой системную совокупность взглядов человека на окружающий мир, общество и самого себя. Роль мировоззрения в жизнедеятельности человека огромна, — без него невозможно осуществление целеполагающей деятельности. Оно всегда стоит между человеком и миром, связывает человека с ним, а иногда, если оно искаженное, способно дезориентировать его. Мировоззрение исторично, определяется эпохой и временем, в которых живет человек. Однако развитая личность может превосходить своим мировоззрением ту эпоху, в которой живет. Такое мировоззрение прогрессивно, ибо отражает потребности как общественного, так и личностно-духовного развития. В противоположном случае индивидуальное мировоззрение может деградировать к предшествовавшим эпохам, носить суеверный характер, быть деструктивным и антипрогрессивным. Таково суеверное мировоззрение.

По видовым различиям мировоззрение может быть философским, религиозным, научным, обыденным и суеверным. Именно последнее является необъективным и дезориентирует человека. Девизом философского мировоззрения могут стать слова И. Канта: *«Имейте мужество пользоваться собственным умом»*. Обывателю может казаться, что он думает сам, на самом же деле его сознание заполнено штампами, стереотипами мышления, навязанными массовой культурой. Те, кто способен действительно мыслить самостоятельно, уже являются философами (не по диплому или виду профессиональной деятельности, а по складу ума).

Если первые виды мировоззрения являются позитивными, а последнее (обыденное) — терпимым, то *суеверное мировоззрение* искаженно воспринимает окружающий мир, оно — негативно. Его носитель извращает или вовсе отрицает

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00215а «Основные модели философии образования в поликультурном обществе XXI века».

как достижения науки, так и мировые религии вместе с философией. Субъективно он может причислять себя к какой-либо развитой религии, но подменять ее глубокое содержание своими или позаимствованными вымыслами (астрологией, колдовством, магией и т.п.). Суеверное мировоззрение опасно не только для индивида, но и для общества. Разрушить его может помочь приобщение к науке, философии и правильно понимаемой вере. Вместе с тем необходимо отметить, что суеверия вполне могут присутствовать в любом мировоззрении, если оно не носит целостного характера. В целом же, в идеале, суеверия несовместимы с философским и развито-религиозным мировоззрением, ибо только философия и религия способны своим методом объяснить весь окружающий мир: философия — на основе разума, а религия — на основе веры. Поэтому, строго говоря, может быть только два целостных мировоззрения, несовместимых ни с какими суевериями — это *философское* и *религиозное*. Однако на деле в эмпирической жизни обычный верующий человек зачастую примешивает к вере еще и массу суеверий, не видя между ними разницы. Но вера и суеверия принципиально различны. Попробуем пояснить это.

Вера основывается на умозрительной идее и не носит натуралистического характера, в то время как суеверия — это своеобразная «суетная вера», вера во всякую выдумку. Суеверия всегда эмпиричны, они дают буквальное толкование тому, что в вере толкуется духовно-символически. Вера дает простор свободе человека и утверждает ее, а суеверия всегда говорят о полной зависимости человека от каких-либо сил и духов. Суеверия, как и мистика, строят иные миры по образу и подобию, по аналогии с этим чувственным миром; по сути, они просто удваивают, утраивают этот мир. Вера говорит об ином мире как мире духовном, умозрительном, а не находящимся где-то в пространстве и времени. Вера говорит о вечности. Рай и ад — это духовные идеи, поэтому в этих понятиях бесполезно искать чудесные сады или чертей со сковородками. В религиозных преданиях эти символы могут присутствовать, но пониматься они должны не натуралистически. Суеверий всегда бесконечное множество, а вера — одна, хотя ее интерпретации могут быть различными. У Канта это вера разума, моральная вера, которая является, прежде всего, с его точки зрения, и сутью религии.

Если суеверия несовместимы с философским и религиозным мировоззрением, то вполне совместимы с научным и обыденным. Да, наука противоречит суевериям, является их антиподом, но только с точки зрения методологии.

Научная методология строится на причинно-следственных связях, проверенных экспериментально, а суеверия — лишь на фантазиях и страхах. Но если мы говорим о мировоззрении, которое стремится организовать себя на научных началах, то в нем вполне могут соседствовать рядом с научными фактами самые абсурдные суеверия. Известно, что даже знаменитые ученые не лишены суеверий, когда начинают размышлять о том, что выходит за рамки их конкретной науки. Происходит это потому, что наука, в отличие от философии и религии, не способна объяснить абсолютно все, не способна заполнить все «пространство» сознания. Всегда остается нечто, что наука не может объяснить. Более того, с рос-

том научного знания растет и сфера непознанного. Только мудрец, который познал очень много, мог бы сказать, что он ничего не знает. Поэтому Сократ и говорил о себе: *«Я знаю, что я ничего не знаю»*. Знает «все» только невежда, который свои суеверия выдает за знания.

Исходя из того, что наука не все может объяснить, она, строго говоря, не может построить и целостного мировоззрения на собственных началах. В этом смысле можно сказать, что научное мировоззрение в принципе невозможно, возможно лишь мировоззрение, которое стремится использовать в объяснении мира те знания, которые может ему предоставить наука, но она может предоставить весьма немного. Поэтому в таком мировоззрении остается место или для философии, или для религии, или, в конечном счете, и что проще всего — для суеверий. Ведь для того, чтобы дополнить мировоззрение философией, ее необходимо знать. А это большой многолетний труд интеллекта. Философия не дается так просто, как чтение гороскопа. А для того чтобы дополнить его развитой формой религии, мировой религией, необходимы тоже немалые познания, нужно приобщение к традиции, знание ее. Все это также является длительным и сложным процессом. А вот для восприятия суеверий нет необходимости ни в интеллектуальном развитии (не надо напрягать мышления), ни в познании духовных традиций и истории. Суеверия сразу дают ответы на все вопросы, иногда даже не нужно читать, достаточно включить телевизор и посмотреть очередные «глобальные прогнозы» или беседы с различными «магами» и экстрасенсами, излечивающими на 150% от всех болезней и с первого сеанса. Распространение суеверий в российском обществе можно назвать интеллектуальным геноцидом, так как это ведет к разрушению нации изнутри, искажению ее духовного строя.

То, что философия выходит за рамки строго научного знания, отнюдь не означает, что к ней каким-либо образом могут относиться суеверия. Вненаучное знание также не тождественно им, ибо ненаучное еще не означает иррациональное, а суеверия таковы. Их можно охарактеризовать как заведомо искаженное представление человека о какой-либо действительности.

К суевериям можно отнести все вымышленное, никак не подтвержденное, иллюзорное. Вместе с тем к ним нельзя отнести, например, художественный и творческий вымысел, сказки или фантастику. Они являются элементом культуры, предназначены для воспитания, развития воображения и мыслительной деятельности, в то время как суеверия ничего не развивают, напротив, сужают сознание человека, делают его фанатичным и трусливым, не несущим ответственность за свои поступки, все списывающим на какие-либо потусторонние силы. Суеверия являются плодом не культуры, а бескультурия и невежества. Они не только не ушли в прошлое, но современная массовая культура и СМИ распространяют их денно и ночью, стремясь привлечь недалеких обывателей, слушателей и зрителей.

К особо популярным суевериям современного «просвещенного» человека можно отнести такие «систематические» суеверия и псевдонауки, как астрологию, магию, парапсихологию, экстрасенсорику, предсказания (типа Нострадамуса), всевозможную эзотерику, уфологию, всевозможные секты (особенно тоталитар-

ные) и т.д. Важно понять, что данные суеверия не безвредны, они способны гипнотизировать человека, внушать ему определенные идеи относительно себя и общества, деформировать в результате его личность, дезинформировать и дезориентировать. А если таких людей набирается достаточное количество, то они оказываются способными негативно влиять на общественное развитие, сеять в обществе панику и создавать психозы. Так, время от времени они ждут конца света, «общаются» с инопланетянами из НЛО, создают вечные двигатели, каждое новое событие вдруг вычитывают у Нострадамуса (правда, тогда, когда оно уже состоялось).

Философия не имеет ничего общего с названными и многими другими суевериями, как прошлого, так и настоящего. Одно из двух: или человек стремится познать себя и мир такими, какие они есть, или он подменяет реальное, хотя и труднодостижимое познание, вымышленными и, в конечном счете, вредными иллюзиями. Это не значит, что нужно плохо относиться к сказкам или не читать научную фантастику, — это как раз полезно, а иногда даже необходимо, в зависимости от возраста. Названные жанры литературы не обманывают нас, они не поощряют верить в то, о чем повествуют, а развлекают и забавляют, приносят эстетическое, художественное удовлетворение. Суеверия же требуют жертв, фанатичной веры, порождают страх и неуверенность. При полном подавлении сознания суевериями человек совершенно теряет ориентацию в мире, перестает адекватно себя воспринимать, плохо относится к окружающим. Наступает духовная шизофрения, от которой сложнее излечиться, чем от физиологического или психического заболевания. Необходимо заново учиться мыслить и трезво воспринимать окружающий мир.

Особенно опасны для личности и общественной жизни такие суеверия, как предсказания определенного будущего, будь то на индивидуальном или социальном уровне. Опасность заключается в том, что человек, будучи чрезвычайно сложно психически устроенным существом, может подвергаться как гипнозу, так и самовнушению. Веря в некую предопределенность, о которой ему говорит какой-либо астролог или предсказатель, человек сам формирует ее, в то время как он свободен. Человек есть то, что он думает о себе, во что он верит. Он — единственное сущее, способное к самоопределению, самосозиданию. Любое суеверие уничтожает или, в лучшем случае, ограничивает человеческую свободу и альтернативность общественного развития. Философия и мировые религии утверждают эту свободу, поэтому они несовместимы с указанными суевериями. Согласно философии, человек способен строить свою жизнь исходя из разума, а согласно развитой религии — из веры в абсолютное благое начало, которое превыше и могущественнее как звезд, так и земных прорицателей.

Что касается лженаучных «концепций», то дать их критику не составляет особого труда, тем более что это давно уже сделано в предшествовавшей духовной культуре. А вот относительно веры существует много заблуждений. Казалось бы, вера в пророчества объединяет веру с такими суевериями, как предсказания Нострадамуса. Но на самом деле это совершенно не так. Религия может говорить

о конце света, но она не говорит, в каком году он произойдет, даже запрещает прогнозировать на этот счет. Религия не предсказывает, пророчествуя. *Пророчество* в отличие от *предсказания* носит всецело умозрительный характер. В этом смысле конец света наступит тогда, когда люди на земле окончательно духовно-нравственно деградируют. С таким пониманием конца света может согласиться и разум. Между тем философия и наука не предсказывают и не пророчествуют, но способны делать прогнозы, которые могут как сбыться, так и нет, ибо существует множество труднопредсказуемых факторов, влияющих на развитие личности и общества.

Достоинство научного метода состоит в том, что он носит всеобщий, объективный и доказательный характер. Но он ограничен: не все можно подтвердить или опровергнуть экспериментально, ибо не все человеческое знание носит чувственный и эмпирический характер. Есть формы вненаучного познания, которые тоже являются познанием, но критерии истинности у них другие, нежели у науки. Это необходимо понимать, чтобы не распространять методы науки на то, что в принципе невозможно верифицировать экспериментально. К таким вненаучным формам познания можно отнести философию, религию, искусство, мораль. Они являются вненаучными, ибо их методы шире научных, не ограничены ими, но они не являются вместе с тем и антинаучными, иррациональными. Просто в них присутствует другой тип рациональности. Что касается мистики и иррационализма, то они не являются познанием вовсе, ибо строятся либо на вымысле или суеверии (мистика), либо на утверждении агностицизма.

В начале XX века в неокантианстве и философии жизни было определено, что все науки разделяются на два типа: естественные — «науки о природе», и социально-гуманитарные — «науки о духе», т.е. культуре, о человеке и человеческом обществе.

Это разделение носит принципиальный характер, ибо у названных наук качественно разный предмет, следовательно, должны отличаться и методы его познания: если «науки о природе» стремятся познать объективную предметную истину, то «науки о духе» — выявлять, осознавать, осмыслять и созидать ценности (моральные понятия, философские идеи, символы искусства и религии и т.д.). Согласно Генриху Риккерту «...теория познания выходит за пределы самой себя и ведет... к понятию абсолютной ценности» [4. С. 158], которая является продуктом культуры. Ценности заложены именно в «объектах культуры», так что «если от объекта культуры отнять всякую ценность, то он станет частью простой природы» [5. С. 70]. Между тем данное разделение не означает противопоставления, так как все науки должны тесно взаимодействовать друг с другом, создавая общую картину мира. Тем не менее, в естественнонаучном знании предмет заранее обнаружен, он поддается эмпирическому наблюдению, а в социально-гуманитарном — является проблемой, так как конституируется в процессе человеческого самопознания и познания общества. Наверное, можно навлечь на себя критику со стороны представителей естественнонаучного знания, осмелившись сказать, что предмет «наук о духе» чрезвычайно сложен, т.е. отличается по своей сложности от предмета естественных наук качественно. Поясним такое утверждение следующим.

Естественные науки изучают различные уровни развития материи и жизни во Вселенной — от базовых до более сложных.

Самый фундаментальный уровень изучает физика (особенно физика элементарных частиц), и здесь она, как это ни странно, совпадает с астрофизикой, изучающей космические тела и развитие Вселенной в силу принципа «что внизу, то и сверху».

При усложнении физического взаимодействия элементарных частиц и возникновении сложных молекул образуется химический уровень развития и движения материи, который изучает, соответственно, химия.

При усложнении химических взаимодействий, как сейчас полагают многие, возникает органическая жизнь, живая материя, клетка и т.д. Процессы на этом уровне изучает биология.

Наконец, когда возникает совместная жизнь разумных существ и такая совершенно новая целостность и система, как общество, появляются соответствующие науки социально-гуманитарного цикла, изучающие этот новый невиданный феномен.

Нетрудно увидеть, что всякий последующий уровень организации материи и жизни на порядок сложнее предшествовавшего. Более высокий уровень диалектически вбирает в себя предыдущий в «снятом» виде. Исходя из этого, можно заключить, что общество является высшим итогом развития Вселенной, поэтому включает в себя все предшествовавшие этапы. Так, общество состоит из людей, которые являются биологическим видом и имеют тела, состоящие из сложных химических веществ, имеющих также атомарную, элементарную структуру. Человек есть микрокосм, то есть вселенная в миниатюре. Таким образом, чтобы изучить общество и организацию власти в нем, необходимо познать, по большому счету, всю Вселенную. Из сказанного можно заключить, что социально-гуманитарная сфера является наиболее сложной областью знания.

Сложность предмета социо-гуманитарного знания связана поэтому с тем, что человек не может отстраниться от общества и самого себя. В науках о «духе» невозможно познание, осуществляемое на субъект-объектной основе, как в естественных науках, ибо общество само есть субъект-объект. В нем есть субъектная и объектная стороны. В качестве объектной стороны могут выступать территория проживания, народонаселение, экономика и др. В качестве субъектной — сами люди, свободно организующие жизнь общества, и их духовная сфера. Изучая общество, мы изучаем самих себя, т.е. занимаемся самопознанием, ибо общественные отношения характеризуют сущность человека. В этом случае мы изучаем не внешний, противостоящий объект (как в естественных науках), а свое собственное продолжение и обнаружение. Мы изучаем свою сущность во внешнем проявлении, в виде общественных отношений, которые одновременно как создаются человеком, так и организуют его. Общество и человека фактически невозможно изучать беспристрастно, полностью объективно, ибо при этом всегда будут присутствовать оценочные суждения, что позволило сказать Г. Риккерт: «последний базис знания есть *совесть*» [4. С. 156]. Для естественнонаучного зна-

ния мораль является чем-то внешним, привходящим, она зачастую даже противоречит научным устремлениям, запрещая эксперименты над человеком и животными, клонирование и т.д. Для гуманитарных и социальных наук, напротив, мораль является сущностной характеристикой познания. Не дав моральной оценки тому или иному обществу, мы не можем сказать, что познали его (демократично оно или нет, соблюдаются в нем права человека или нет, гуманистично и справедливо оно или нет).

Если цель ученого в естественнонаучном знании заключается в максимальном абстрагировании от объекта изучения, достижении беспристрастной точки зрения, исключающей эмоции, то в социально-гуманитарной сфере, напротив, необходимо внутреннее постижение предмета изучения, вживание в него, понимание его, ибо он является живым и сознательным существом (можно и так назвать общество). Поэтому в гуманитарном знании разработана своя методология познания, превратившаяся в XX веке в целое философское направление. Это — *герменевтика*, которую первоначально определяли как метод толкования текстов, а сейчас — как искусство постижения другого субъекта, *Ты* или другого *Я*, иных духовных миров, в качестве которых может выступать как человек, так и общество. Например, политическая система определенного общества — это своеобразный духовно-социальный мир, не осознав специфики которого, легко выносить поверхностные и произвольные суждения. Представим себе: если астрофизик изучает Солнце, необходимо ли ему вживаться в него, понимать его? Нет, ибо оно, согласно современной науке, не является живым существом. А вот если изучать, например, древнегреческое общество, то можно ли его познать, узнав только внешние параметры существования — хронологию, количество населения, географию, основные политические институты и т.д.? Нет, конечно, ибо для этого следует постигнуть мировоззрение древнего грека, понять его проблемы и радости, самому перевоплотиться в грека, ощутить морское побережье и постоянную угрозу с Востока, необходимость борьбы за демократию в полисе и т.д. Другими словами — осуществить герменевтическое проникновение в предмет изучения, когда познание, объяснение превращается в понимание.

Согласно Вильгельму Дильтею, «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» [3. С. 16]. Познать другого можно, лишь встав на его место, поэтому метод «наук о духе» сродни актерскому искусству перевоплощения. В связи с этим «Плодотворность познания, свойственного социально-гуманитарным наукам, кажется более родственной интуиции художника, нежели методическому духу исследования» [2. С. 7].

Если речь идет не о субъект-объектном (естественнонаучном), а субъект-субъектном отношении, то познание здесь осуществляется не посредством монолога (субъект активен, а объект пассивен), а посредством диалога, когда две стороны проявляют активность. Поэтому если мы стремимся познать, что в данном случае означает «понять другого», наилучшим средством выступает общение, коммуникация. Если мы соберем о человеке медицинские справки, то что они нам дадут в плане познания? Мы рассмотрим лишь физиологические процессы в челове-

ском организме. Но ведь нас это совершенно не интересует, гораздо важнее изучить душевные качества человека: способность любить и сострадать, в трудную минуту прийти на помощь. Друзей мы выбираем не по медицинской карте. Действительно, мы познаем лишь то, что любим. Ненависть пресекает познание и свидетельствует о его отсутствии. Не зря ведь говорят, что понять — значит простить, а отсюда и заповедь: «не суди, да не судим будешь». Любовь, таким образом, является высшим видом духовного, герменевтического познания. Кроме того, только любовь стимулирует и придает смысл любому познанию, дает ему благоую ориентацию.

Еще один феномен принципиально отличает социально-гуманитарное знание от естественных наук, делает его предмет почти непостижимым.

Это — свобода, которая входит в мир только благодаря личности, способной разорвать сети естественной необходимости. Только человек может делать «не так, как надо», только ему доступно своеволие, ситуация выбора, а значит, добро и зло со всеми вытекающими отсюда последствиями. Свободы нет в мире физическом и биологическом, она может быть только в мире социальном. Мир, согласно естественнонаучной точке зрения, всецело детерминирован. Впервые к этой идее пришел уже Демокрит, считая случай выдумкой людей. Согласно Г. Риккерт, «с точки зрения эмпирического реализма понятие индивидуальной свободы, как беспричинность, действительно недопустимо» [4. С. 162].

Мир без личности — сплошная необходимость, атомы движутся в пространстве только так, как должны: в силу энергии столкновений, падения, гравитации, притяжения и отталкивания и т.д. Они образуют вихри, из которых рождается вся Вселенная и ее неумолимые законы. Эти законы несовместимы со свободой, и потому из них невозможно вывести и человеческую личность. Религия и теология решают эту проблему, утверждая божественную Личность, а И. Кант мыслил свободу беспредпосылочным началом; он ее не выводил, а полагал изначально присущей человеку, т.е. постулировал.

Так или иначе, но свобода является фактом как общественной, так и личной жизни.

Свобода, ее развитие, как и наличие гуманизма, являются критерием общественного прогресса. Действительный его смысл заключается не столько в развитии техники или военно-промышленного комплекса (хотя и это может быть важным), сколько в торжестве всесторонней свободы личности в обществе. Причем торжестве не только в юридическом отношении, но фактическом, социальном, на чем строилась коммунистическая идеология, но чему так противоречила «социалистическая» действительность.

Свобода — это чрезвычайно глубокое и основополагающее философское понятие, требующее различать «свободу от» и «свободу для». Первая представляет собой вседозволенность, произвол и анархию, которые лишь демагогически выдаются за свободу, являясь формами рабства или социального, или политического, или духовного (преступник при больших деньгах может считать себя свободным, но на деле он раб своих низменных страстей, своего аморализма, дефектов личностного развития).

Общество может быть свободным лишь в условиях правового государства и демократического режима, а личность — лишь в условиях соблюдения моральных норм и законов. Иной свободы нет и быть не может.

Свобода вторгается в общественные отношения благодаря «истине сердца» (духовной ценности), которая не всегда совпадает с объективной истиной. Так, Ф.М. Достоевский писал, что если бы когда-либо наука доказала, что воскресения Христа не было, он все равно верил бы в это, ибо вера основывается не на научном факте, а на потребностях человеческого сердца, на вере в торжество добра. Воскресение Христа и есть для него такой символ, совершенно реальное событие, без веры в которое нет оснований для добра в мире. Эта истина сердца была для него дороже объективных научных истин, ибо не они спасают человека от насилия и звероподобной жизни. Это способны сделать лишь сострадание и любовь, которые Достоевский называл важнейшим законом человеческой жизни. Научная истина не согревает души человека, а истина сердца придает смысл его жизни.

Для Бердяева истиной сердца являлся Страшный Суд, грядущий в конце истории. Он полагал, что история приобретает смысл только благодаря своему завершению и суду с точки зрения добра и зла. Без эсхатологии история превращается в дурную бесконечность, которая уничтожает всякий смысл, ибо самосовершенствование не может быть самоцелью. Прогресс ради прогресса неизбежно приведет к гибели, ибо критерии прогрессивного развития не могут заключаться в нем самом, они должны замыкаться на Вечность.

Вильгельм Виндельбанд вскрывал духовный смысл «наук о духе», видя его в стремлении познания вечного и приобщения к нему: «Мы твердо верим в вечность, когда из хаоса мнений спасаемся в спокойную ясность науки, когда страстный напор наших желаний замирает перед властным сознанием нравственности, когда, отрешившись от всех желаний, мы успокаиваемся в искусстве» [1. С. 280].

Мир, в котором отсутствует свобода, легко познается, по крайней мере, он познается в принципе, и задача состоит лишь в развитии наук, приращении научного знания. Уже И. Кант сказал: «Дайте мне материю, и я построю из нее мир», т.е. из изначально присущих материи сил притяжения и отталкивания можно вывести развитие всей Вселенной, просчитать ее от начала до конца, момент рождения и гибели. Нужно сказать, что в этом уже преуспели ученые. А вот могут ли они с такой же долей уверенности сказать, что произойдет в обществе завтра, особенно российском обществе? Нет, потому что все извечные законы космоса может нарушить единственный поступок свободной личности. Этот поступок может быть как творческим и созидательным, так и разрушительным. В первом случае он способствует развитию космоса и жизни, во втором — деструктивен и самоубийственен, ибо в этом случае разрушается основа жизни, породившая человека. Зло не имеет самостоятельной основы и будущего, оно способно лишь паразитировать на том, что создано добром.

С точки зрения познания, в «науках о духе» фактор свободы все невероятно усложняет. Здесь уже невозможно ничего просчитать наперед, поэтому в принципе невозможны никакие предсказания, — можно лишь *прогнозировать*, но невозможно дать никаких гарантий, что все будет именно так. Например, легче всего,

казалось бы, можно просчитать развитие экономики, однако известно, насколько политика может определять экономическое развитие, причем как тормозить его, так и ускорять. Любое вмешательство политики в экономику может перечеркнуть все прогнозы.

Принципиальное отличие в предметах социально-гуманитарного и естественнонаучного знания приводит и к разнице в методах познания. Науки о природе носят всецело экспериментальный характер. Они развиваются по следующей схеме: обнаруживаются некие непознанные явления, относительно их протекания создается гипотеза, затем ставится эксперимент, который должен подтвердить выдвинутую гипотезу. Если многократно повторяемый эксперимент подтверждает гипотезу, то на основе причинно-следственной связи выводится определенный закон, под который подпадают все явления данного класса; если гипотеза не находит экспериментального подтверждения, то отбрасывается, выдвигается новая и т.д.

Теория в них проверяется опытом.

Может ли социально-политическое знание развиваться таким образом?

Можно ли ставить эксперименты над обществом и человеком?

Это абсолютно недопустимо по двум причинам: гуманистического и научного плана. Человек (а общество состоит из людей) не может подвергаться насильственному экспериментированию: это противоречит принципам гуманизма, нарушает его свободу.

С научной точки зрения, экспериментирование над обществом ставит последнее в определенные стесненные обстоятельства, что уже само по себе неизбежно ведет к его неестественному, а значит — искаженному развитию, деформации. В сфере социально-гуманитарной невозможно достичь «чистоты» эксперимента. В итоге общество или загнивает, или начинается конфликт и насилие оказывается неизбежным.

Если естественнонаучное знание, выявляя законы природы, стремится основываться на наиболее общих принципах, то социальная философия призвана изучать каждое общество как неповторимое социально-политическое событие, обладающее самобытной культурой, историей, нормами и т.д. Науку здесь интересует не только общее, но и индивидуальное, особенное.

На основании сказанного нельзя делать вывод о том, что «наукам о духе» чужды методы естественнонаучного знания, объективность и всеобщность. Просто они соседствуют в ней, претерпевают изменения под воздействием свободной воли людей и того, в чем они видят ценность своей деятельности, смысл жизни и т.д.

Своеобразие и сложность познания социального заключаются еще и в том, что, будучи субъект-объектом, общество не безучастно к познанию его нами. Так как сам познающий включен в общественные отношения, т.е. является их неотъемлемой частью, то познание им этих отношений является определенным самопознанием.

Мы познаем общество, а оно познает нас. Познавая общество, открывая для себя нечто новое в нем, мы меняем свое поведение, свои ориентиры и цели в по-

литике, т.е. начинаем иначе вести себя в обществе. Это приводит к тому, что, познавая общество, мы изменяемся, а вместе с нашим изменением изменяется и общество, ибо мы являемся единицами общественно-политической жизни. Чем больше мы объективно постигаем общество, тем вернее действуем, преследуя прогрессивные цели развития, ибо от уровня социально-гуманитарного познания зависит общественный прогресс и, наоборот, чем больше в обществе людей невежественных, тем менее интенсивно оно развивается, неизбежно склоняясь к застою или упадку. Таким образом, познающий субъект и объект его познания теснейшим образом взаимосвязаны в политической философии, они взаимозависимы и оказывают друг на друга глубокое влияние. Познание социального оказывается необходимым не только для познающей личности, но ценным и для самого общества, ее поступательного развития: чем лучше мы знаем общество, тем правильнее действуем в нем.

Не так обстоит дело в естественнонаучном знании, где Солнцу, например, не холодно и не жарко от того, что его кто-то изучает. При этом скорость протекания реакций в нем никак не зависит от наших наблюдений. Познавая Солнце, мы познаем объект и не осуществляем самопознание в его непосредственном виде. Мы, конечно, зависим от Солнца, но отнюдь не в такой мере, как от общества. Вместе с нашим познанием общества оно тоже изменяется, развивается, совершенствуется через наши действия в нем. Тогда получается, что оно становится уже другим, не тем, каким мы наблюдали его вчера, и весь процесс познания начинается заново. Но завтра оно опять изменится в соответствии с нашим новым поведением, а мы опять отстанем от нее в познании.

Таким образом, социальная философия всегда стремится познать общество, но всегда как минимум на шаг неизбежно отстает от изменений в нем. Сфера общественного, как и творческая личность, всегда оказывается больше, глубже и сложнее того, какой мы ее себе представляем. Поэтому мы можем заблуждаться из-за недостатка знаний, который неискореним. Познающий феномен социального находится в состоянии Ахиллеса, который не может догнать черепаху, как бы медленно она не двигалась, ибо в момент старта они находились не на одной линии. В обществе как субъект-объекте присутствуют как объективные законы, так и субъектные, те, что устанавливает сам человек или большие группы людей, в процессе социальной практики исходя из своей свободы, морали и т.д. Объективный закон, распространяющийся на человека как биологическое существо, преломляется через субъективный, встречаясь с феноменом свободы. Он уже не выступает в своем чистом природном виде, но видоизменяется, очеловечивается.

Основу естественных наук составляет математика, с помощью которой, применяя вычислительную технику, можно дать довольно точный прогноз развития природных явлений. Но как в компьютер заложить свободу? Здесь сразу возникнет множество разнообразных путей развития. У Вселенной без личности нет выбора в развитии; у человеческого общества благодаря личности всегда есть. Отсюда вытекает принципиальная *альтернативность общественного развития*, которую, конечно, нельзя отождествлять с произволом. Чем более развито обще-

ство, тем больше у него потенциальных альтернатив и возможностей и вместе с тем меньше революций и насилия, тем более законообразно оно развивается.

В природе «альтернатива» всецело определяется количественными показателями, которые затем переводят явление в иное качество. Через количество можно предсказать и возникновение нового качества. Например, превратится ли Солнце в сверхновую звезду или в карликовую, всецело зависит от его массы. Для изменений в обществе количественный показатель не является решающим, в нем многое зависит от элиты. Недостаточное количество большевиков и пролетариата в начале революции с лихвой компенсировалось их активностью и правильно выбранными тактическими ходами. Личность, если она выражает действительные потребности развития общества, может повести его за собой. Общество развивается не волонтаристски и не детерминистически, т.е. не исходит из полной свободы или абсолютной необходимости, а благодаря совокупной деятельности людей, наличию элиты, выражающей интересы общества.

Лейбниц и Гегель полагали, что «природа не делает скачков» в том плане, что в ней нет самостоятельного развития, она управляется духовными силами, которые и заставляют ее развиваться, порождать новые биологические виды. В природе мы наблюдаем повторяемость: зима — лето, день — ночь, возникновение — уничтожение. Здесь не обнаруживается принципиальной новизны, а значит, по сути, нет творчества. Последнее возникает лишь там, где появляется нечто совершенно новое, несводимое всецело к своим предпосылкам и неразложимое на них. С этой точки зрения в природе нет творчества, есть лишь продуцирование. Истинное творчество возникает на основе свободы и носит личностный характер, что особенно подчеркивал Н.А. Бердяев.

Таким образом, если в природе господствует *эволюционный* процесс, то общество развивается *исторически*. История есть лишь там, где осуществляется творческий процесс развития, где порождаются совершенно новые общественные отношения. Историю творит совокупность личностей, а природа развивается на основе эволюционных законов.

История в этом смысле вовсе не есть развитие, если под последним понимать морфологическое, а не динамическое изменение. Развитие есть обнаружение, преформация, а не творчество. И потому, по мнению Г.В. Флоровского, «развитие всегда идеально предвычислимо» [6. С. 423]. По Шеллингу, «историческое отличается от природного по признаку свободы». История есть арена, на которой разыгрывается драма человеческой свободы.

Часто приводится высказывание Гегеля: «*история учит нас тому, что она никого ничему не научила*». Из этого делают вывод: люди очень глупы, не хотят учиться на ошибках других.

Однако Гегель вкладывал совершенно иной смысл в эти слова. Это проблема не человеческой глупости, а непредсказуемости и неповторимости общественного развития. Он подчеркивал, что нет и не может быть повторения в обществе одной и той же ситуации. Возможно лишь внешнее и поверхностное сходство, аналогия, но не повторение. Поэтому никакой мудрец не может на основе осмыс-

ления старых ошибок не допускать будущие, если речь идет о творческом развитии, а не о механических действиях.

Это, конечно, не означает, что история ничему не учит в буквальном смысле слова, и что нет необходимости ее изучать. Гегель полагал, что осмыслить историческое событие и социальное изменение можно лишь после того, как оно состоялось. Поэтому он говорил, что *«сова Минервы вылетает в полночь»*, т.е. когда день уже прошел (эпоха завершилась), можно его осмыслить. Политическая философия предстает как *«время, постигнутое в мысли»*.

Немецкий мыслитель, таким образом, налагал запрет на построение всевозможных проектов будущего социального развития, которые не могут быть ничем иным, как очередной утопией. А любая утопия, стремясь реализоваться, приводит к насилию, ибо если общество не хочет следовать в своем развитии мыслям утописта, его стремятся «подправить», а не желающих идти в «светлое будущее» вначале идеологически, а затем и физически подавляют и уничтожают. К. Маркс стремился преодолеть запрет Гегеля и создать образ будущего коммунистического общества, указать пути к нему. Однако опыт реализации утопических идей привел общество к тоталитаризму и неисчислимым человеческим жертвам, породил в XX веке новое явление, новый литературный жанр — антиутопию.

Философов и политологов можно понять, когда они осознают состояние всегдашней неполноты наших знаний в «науках о духе». Это дает смирение, спасает от построения новых утопий, предоставляет обществу и людям альтернативу развития.

Но когда происходит обратное, когда человеческий разум начинает мнить себе, что познал незыблемые законы общественного развития и с высоты гордыни ума стремится «подправить» общество, то в итоге это заканчивается насилием и свертыванием общественного развития. Здесь уже не до «слезинки ребенка», о чем предупреждал Достоевский. Однако разумный человек не должен и уклоняться от действенной попытки совершенствования общества. Но при этом следует уважать свободу других, осознавать ограниченность своих знаний и всегда стараться их расширить, понимать, что человек всегда есть цель и никогда не должен выступать в качестве средства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Виндельбанд В. *Sub specie aeternitatis* // Избранное: Дух и история. — М., 1995.
- [2] Дильтей В. *Описательная психология*. — СПб., 1996.
- [3] Гадамер Г.-Г. *Истина в науках о духе* / Топос. № 1. — Минск, 2000.
- [4] Риккерт Г. *Введение в трансцендентальную философию* // Философия жизни. — Киев, 1998.
- [5] Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре* // Культурология. XX век: Антология. — М., 1995.
- [6] Флоровский Г.В. *Евразийский соблазн* // Из прошлого русской мысли. — М., 1998.

THE WORLD-VIEW BASES OF CULTURE-EDUCATIONAL PROCESS

S.A. Nizhnikov

Department of History of Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Russia, Moscow, 117198

In the article is analyzed the specificity of «sciences about spirit», their difference from natural-science knowledge as in a subject (being — existing), so on a method (mathematics, «monologue» and, accordingly, hermeneutics, «dialogue»). Qualitative feature of social-humanitarian knowledge is seen also in the statement of values («the truth of heart») and available and comprehension of a phenomenon of freedom resisting to a determinism of a nature. It is marked, that not to realize specificities of «sciences about culture» results to degradation and, as consequence, dehumanization, fraught catastrophic consequences for existence of the person and development of a society.

Key words: world-view, knowledge, values.